

Н. Зайц

**Славянский вопрос:
«На берегах российских рек»
(Александр Трушнович и другие)**

N. Zajc

**The Slavic Question:
«On the Riverbanks of the Russia»
(Alexandr Trushnovich and Others)**

В статье излагается история формирования и восприятия идеи славянства в России (от А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева и далее). Анализ сделан на основе биографических сведений («Воспоминаний корниловца») словенца А.Р. Трушновича, который во время Первой мировой войны (как военнослужащий Австро-Венгерской армии) сознательно перешел на сторону России, в армию Корнилова. Этот поступок отразился, видимо, не только на его личной судьбе (он стал православным, женился на русской и т.д.), но и на его мировоззрении. Однако после Второй мировой войны его отношение к исторической судьбе России изменилось. Трушнович сохранил в себе веру и творческие истоки православной мысли, что сближает его суждения с идеями таких радикальных русских мыслителей, как, например, Н.А. Бердяев.

Ключевые слова: идея славянства, православие, духовный подвиг, Первая мировая война, Н.А. Бердяев, А.Р. Трушнович.

The article describes the history of the creation, formation and perception of the idea of Slavdom in Russia (from A.S. Pushkin and F.I. Tyutchev and further on). The analysis was made on the basis of the biographical information (“Memoirs of the Kornilov’s Soldier”) of the Slovenian A.R. Trushnovich, who during the First World War (as a soldier of the Austro-Hungarian army) moved to the side of Russia, into the army of Kornilov. This act affected on his personal destiny (he became Orthodox, married a Russian, etc.) and on his worldview. However, after the Second World War, his attitude towards the fate of Russia changed. However, Trushnovich retained his firm faith and the most spiritually creative sources of the Orthodox thought, which was N. Berdyaev.

Key words: Slavic idea, Orthodox religion, spiritual creativeness, I world war, N.A. Berdiaev, A.R. Trushnovich.

Введение

В последние годы жизни А.С. Пушкин, вдохновленный идеей, объединившей четырех известных европейцев (помимо него — русского слависта С.А. Соболевского, французского писателя Проспера Мериме и польского поэта Адама Мицкевича) в неполитическом союзе «любителей славянской поэзии», создал «Песни западных славян». Стихотворения Пушкина вернули к жизни славянскую идею как основу христианской культуры. Разделение русской интеллигенции на славянофилов и западников, явившееся следствием долголетнего развития двух направлений, достигло пика в тот период, когда антиславянские тенденции в политике Австрии и Германии, главным вдохновителем и проводником которых был Отто фон Бисмарк¹, вызвали протест у славянофильского круга русской интеллигенции. 21 мая 1867 г. на Этнографической выставке в Москве в честь славянских гостей было прочитано стихотворение Ф.И. Тютчева «Славянам» (первоначальное название — «Австрийским славянам»), эпиграфом к которому были взяты слова австрийского министра иностранных дел Фридриха Фердинанда фон Бойста, сыгравшего решающую роль в создании Австро-Венгрии («Славян должно прижать к стене»). В стихотворении Тютчева «На взятие Варшавы» в загадочном ветхозаветном образе, взятом из Книги Иова, — образе волшебной птицы Феникс — отражена несбыточная, утопическая мечта поэта о возможности всеславянского благополучия: «Верь слову русского народа: // Твой пепл мы свято

¹ Отто фон Бисмарк в 1878 г. добился принятия закона против социалистов, и лишь по истечении двенадцати лет подпольной деятельности социал-демократическое движение было снова легализовано. Это обстоятельство сподвигло русского мыслителя П.Б. Струве решительно принять сторону социал-демократов. См.: *Pipes R. Struve, The Liberal on the Left. Cambridge, London, 1980. P. 66–67.* Политическая фигура германского канцлера и впоследствии оказывала влияние на формирование национального и интеллектуального компонентов самосознания русских. Н.А. Бердяев в 1946 г. размышлял о нем: «Характерно, что Бисмарк не был еще империалистом: он более чем осторожно относился к колониальной политике. Он создал национальную империю, завершал объединение германского народа. [...] Но Германия не империалистическая страна по своему призванию. Ее империализм — роковой для нее самой и для всей Европы». См.: *Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2005. С. 177–178.*

сбережем, // И наша общая свобода, // Как Феникс, возродится в нем!». Высказыванию германского канцлера Бисмарка о том, что Германия должна объединиться мечом и кровью, Тютчев в стихотворении «Два единства» («Из переполненной Господним гневом чаши») противопоставил новозаветный «щит» любви: «Славянский мир, сомкнись тесней... // “Единство, — возвестил оракул наших дней, — // Быть может, спаяно железом лишь и кровью...” // Но мы попробуем спаять его любовью — // А там увидим, что прочней...».

В ракурсе войны

Во время Первой балканской войны 1912 г. на балканском фронте (Черногория, Македония, Сербия и Болгария) в результате победы болгар над турками была захвачена часть европейских земель, которая включала в себя Западную Фракию, находившуюся с XIV в. под владычеством Османской империи. Во Второй балканской войне Болгария потерпела поражение, но смогла удержать Западную Фракию.

1 августа 1914 г. Германия объявила России войну. Через несколько дней небольшая группа студентов из Горицы собралась на скалистом берегу вблизи Триеста и, распевая гимн «Гей, славяне», присягнула на верность славянству. В их числе был и Рудольф Йозеф Трушнович, родившийся в Постойне 14 декабря 1893 г. 8 августа 1914 г. он закончил Военную кадетскую школу в Мариборе и стал подпоручиком 47-го пехотного полка. На фронте он искал возможность перейти на сторону русских. В 1914 г. в России патриотические чувства охватили все общество, за исключением узкой группы революционеров-интернационалистов, которую возглавил В. И. Ленин (его связи с немецкими и австрийскими спецслужбами были восприняты на родине как предательство)². В июне 1915 г., когда у Залещиков австрийская армия готовилась к нападению на русскую, Р. Трушновичу удалось перейти на сторону русских. Он стал

² Трушнович А. Р. Ценою подвига. Париж, 1955. С. 104; Журнал «Социал-демократ» («Der Sozialdemokrat»), который выходил в Швейцарии в годы антисоциалистического закона Бисмарка, был учрежден В.И. Лениным (*Pipes R. Op. cit. P. 248*).

военнопленным, а в декабре 1915 г. обратился к императору Николаю II с прошением о зачислении его в Первую сербскую добровольческую дивизию. Получив соответствующее разрешение, он отправился в Одессу³.

Всю жизнь он вспоминал слова, которыми Николай II 15 июля 1916 г. на Марсовом поле в Одессе приветствовал Сербскую добровольческую дивизию как первую славянскую армию: «Никогда мои войска не были столь сильны, как сегодня. Они ждут только моего повеления, чтобы перейти Карпаты. И вы будете первыми, кто войдет вместе с моими войсками в ваши освобожденные края. Поздравляю вас с боевым походом под начальством храбрых сербских офицеров! Россия не забудет вашу жертву»⁴.

Рудольфу Трушновичу казалось, что мечты его (словенско-славянских) предков, наконец, после долгого ожидания, станут явью. В «Воспоминаниях корниловца (1914–1934)», посвященных жене и сыну, он с гордостью писал, что это было ожидание «славянского века, вдохновленного религиозной и нравственной основой великой русской культуры». Первая сербская дивизия в составе корпуса генерала А.М. Зайончковского отправилась на фронт в румынскую Добруджу. Многие добровольцы родились в местностях на берегах рек (Савы, Рейна, Дуная), поэтому вид речных долин вызвал у них тоску по дому. Они ожидали, когда Румыния откроет им дорогу по Дунаю на Салоникский фронт, к сербским войскам. 25 августа 1916 г. их бригада, наконец, двинулась в путь, но солдаты испытывали жажду от изнуряющей летней жары. Рота Трушновича была в авангарде⁵. После кровопролитных боев из 16 тыс. добровольцев в живых осталось лишь 1400⁶.

Пока дивизия была на фронте, сербское руководство и местное русское военное начальство испросили у правительства разрешение на дополнительную мобилизацию южнославянских военнопленных. Это решение нанесло непоправимый

³ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 15.

⁴ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца (1914–1934). Москва; Франкфурт, 2004. С. 44.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 15.

удар принципам добровольческой армии. Настоящим добровольцам в 1915 г. с трудом удалось попасть в русскую армию, куда они искренне стремились, а Вторая сербская дивизия была сформирована из принудительно мобилизованных солдат. Рудольф Трушнович, считавший неприемлемым насилие, которому подвергались славяне в Австро-Венгрии, в том же ключе оценивал и принудительную мобилизацию во Вторую сербскую дивизию — по его мнению, ошибки подобного рода впоследствии привели к краху Королевства Югославия⁷.

Полицейская поддержка экономического унионизма в царской России создала благоприятные предпосылки для установления большевиками в 1917 г. контроля над русским народом⁸. Этому способствовало и открытое презрение русских к офицерам, которых считали ненадежными и реакционными⁹. Следствием политической доктрины, согласно которой государство являлось организованным злом, а армия — его главной опорой, стал «Приказ № 1» о демократизации русской армии, принятый в ходе Февральской революции. Численность Сербского добровольческого корпуса тогда резко сократилась: из 40 000 солдат и офицеров в нем осталось меньше 7000¹⁰, а в августе 1917 г. он был расформирован. Р. Трушнович вступил в русскую армию — в Корниловский ударный полк, сформированный в составе 8-й армии под командованием Лавра Георгиевича Корнилова.

В конце июля 1917 г. Временное правительство, стремившееся к продолжению войны, назначило генерала Корнилова, находившегося тогда в ставке в Могилеве, верховным главнокомандующим русской армии. В тот период хаоса русскому народу не хватало руководителя, что прекрасно понимал В.И. Ленин, а Р. Трушнович, размышляя об этом историческом моменте, написал, что тогда Россию могли спасти только Ленин или Корнилов¹¹.

⁷ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 51–53.

⁸ Pipes R. Op. cit. P. 371–372.

⁹ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 97.

¹⁰ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 53.

¹¹ Там же. С. 57.

Южные славяне прибыли в Корниловский полк в последние дни июля 1917 г., через три дня после битвы под Ямницей (Галиция), где этот полк сражался вместе с чешской бригадой. Их приветствовал капитан Генерального штаба Митрофан Осипович Неженцев, под руководством которого корниловские войска вскоре с песнями пошли в бой, закрывая прорыв фронта немцами у Тарнополя и Трёмбовля. Русские союзники — бельгийцы, французы, англичане — так и не приняли участия в сражении. Донцы, конные разведчики, сообщили корниловцам о том, что немцы их окружают, тем самым дав им возможность спастись¹².

После ареста Л.Г. Корнилова, произведенного по приказу А.Ф. Керенского, Неженцев (по инициативе Керенского) подал прошение во французскую военную миссию о переброске полка на Западный фронт. За ответом он отправил в Петроград Трушновича. И тогда словенец принял решение, что, если прошение будет одобрено, он скроет этот факт и уничтожит полученное разрешение. «Наше место было в России», — считал он¹³. Французам полк Корнилова не понадобился. Трушнович провел в Петрограде несколько дней во второй половине октября 1917 г., и его потрясло изменение облика многих людей, «нечеловеческое выражение» их лиц¹⁴.

На Волыни, в день рождения Неженцева, офицеры из разных отрядов собрались в доме деревенского священника на «последний полковой вечер Русской армии». Чехи музицировали, Неженцев произнес торжественную речь. По хозяйству хлопотали матушка (жена священника), сестра милосердия Зина, девушка-доброволец из Киева, которая вскоре погибла в бою, и еще одна сестра. На вечере исполняли также и словенские песни¹⁵.

Когда фронт сопротивления большевикам переместился на Дон, Неженцев привел Трушновича в штаб Корнилова. Произошло это незадолго до смерти генерала. Корнилов отправил

¹² Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 57.

¹³ Там же. С. 64.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 65.

Трушновича в Киев на переговоры с лидером чехов Т.Г. Масариком. Письмо для последнего вручил словенцу генерал М.В. Алексеев. Еще в 1916 г. две чешские дивизии, созданию которых оказали содействие русские, поддерживавшие славянское движение (в их числе был и Василий Витальевич Шульгин, редактор газеты «Киевлянин»), — были «сильнейшей боевой единицей»¹⁶. Белое движение искало их поддержки.

В январе 1918 г. Трушнович встретился в Киеве с Масариком и обсудил с ним потенциальную возможность объединения армии Корнилова с чешскими отрядами¹⁷. Трушнович чувствовал, что Масарик расположен к нему, но после двух недель ожидания ответа понял, что причина задержки кроется в соображениях «реальной политики». Вновь встретившись с Трушновичем, Масарик отказался от сотрудничества, ссылаясь на то, что движением на Дону руководят «реакционные» генералы, и поэтому оно обречено на поражение. Когда Масарик предложил Трушновичу присоединиться к Чешскому корпусу, молодой словенец с негодованием ответил: «Чехи отвернулись от России. История подведет итоги, и боюсь, что скоро. Сейчас с нами только Бог и трехтысячная Добровольческая армия»¹⁸.

Верность Трушновича армии генерала Л.Г. Корнилова все больше перерастала в преданность России, он перенял особый склад мышления русских, широту их души. Он написал об этом в «Воспоминаниях корниловца»: «Первая и главная наша цель была: уберечь Россию от разрушения и колонизации»¹⁹. Об отсутствии у него наивной веры в монархические идеалы свидетельствуют следующие слова: «В нашей песне были слова: "...Мы былого не жалеем, царь нам не кумир, мы одну мечту лелеем: дать России мир!"»²⁰. Воин корниловской армии, Трушнович не отступил даже после того, как узнал о смерти Корнилова в апреле 1918 г., он безоговорочно принял русскую идею как свою. В период между 1912 и 1920 г. Трушнович,

¹⁶ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 72; Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 16.

¹⁹ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 56.

²⁰ Там же.

изучив основы православия, почерпнул из них твердые принципы неревOLUTIONIONНОГО патриотизма как пути к глубинному освобождению человека, познав которое, он сможет личным примером воздействовать на более или менее широкую группу людей. Свой опыт веры он описал так: «В те дни моя душа проходила трудный путь от атеизма, закаленного в борьбе с иезуитским отрицанием живого Бога и утверждением непогрешимости главы католичества на земле, к живым источникам Евангелия и Христа»²¹.

Только в годы коллективизации, несчастий, нищеты и великого голода в России Трушнович начал осознавать, как далеко отступила советская власть от изначальных идей коммунизма. Создается впечатление, что военные поражения не изменили представлений Трушновича. Он учитывал, что прежде у словенцев не было реальной информации о России, поскольку австрийские источники передавали ее неполно и часто поверхностно. Вскоре он научился понимать духовное богатство России, уходившее своими корнями в культуру XIX в. Он писал: «Русская культура, благородная и величественно простая, постепенно пленяла нашу душу и вытесняла из нее западноевропейскую культуру, воспринятую нами разумом, а не чувствами. Мы начали узнавать Россию в ее настоящем виде, с ее светлыми и темными сторонами, и приняли ее такой, какой она была»²².

В «Воспоминаниях корниловца» всплывают исторические события, о которых словенец знал еще с юности и которые оказали влияние на политическую судьбу вечного эмигранта, идентифицировавшего себя с русским монархическим принципом Божьей помощи народу.

Духовный ракурс и преображение

В 1917 г. был созван Всероссийский церковный собор, на котором впервые был избран патриарх Московский и всея России Тихон. В трудах, написанных после Второй мировой войны, Александр Рудольфович Трушнович, к тому времени

²¹ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 287.

²² Там же. С. 46.

уже перешедший в православие, отмечал, что в период между Февральской и Октябрьской революциями авторитет государственной власти упал, страной тогда завладела анархия²³. Антицерковная позиция большевиков, победивших в Октябрьской революции, идеологически не затронула русского православия, оно продолжало развиваться в районах, отдаленных от московского центра. Например, в Омске, на территориях, находившихся тогда под властью генерала А.В. Колчака, в 1918 г. было создано Высшее церковное управление как временный представительный орган²⁴. Словенец Франц Терсеглав, бывший редактор газеты «Slovenec» («Словенец»), к тому времени уже шесть лет находился в России, он был подпоручиком полка сербов, хорватов, словенцев под руководством Благодича в Челябинске и Екатеринбурге, затем — поручиком в Сибирской армии Колчака. После восстания Чехословацкого корпуса в 1918 г. Терсеглав установил связи с русскими церковными и политическими кругами, а также с некоторыми членами антибольшевистского демократического правительства свободной России²⁵.

Тогда экономическая ситуация в России, по-видимому, улучшилась, поскольку аграрная реформа решила главный вопрос общества — земля была конфискована у помещиков и передана крестьянам, тем самым были ликвидированы пережитки феодальной системы.

Р. Трушнович в первый раз получил ранение осенью 1916 г., в бою у Кокарджи, и попал в госпиталь в Екатеринославе. За проявленное в Добрудже мужество его наградили сербской медалью Белого орла с мечами и российским орденом Св. Анны третьей степени. В госпитале он познакомился с медицинской сестрой Зинаидой Никаноровной Казакевич, на которой впоследствии женился. Свадьба состоялась в Новочеркасске 28 июля 1918 г. В декабре того же года он решил вернуться в Одессу. В битве за Ставрополь, занятый большевиками и ставший «городом-великомучеником», был убит офицер М. Мель-

²³ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 105–108.

²⁴ Terseglav F. Sveta Rusija. Ljubljana, 1920. S. 12.

²⁵ Ibid. S. 9–10.

ников, «связывавший судьбу своей родины, Галицкой Руси, только с Россией»²⁶. Вскоре, в боях на Кубани, Трушновича снова тяжело ранили²⁷. Жена спасла ему жизнь, перевезла в военный госпиталь в станице Тихорецкой²⁸. Узнав, что на обломках Австро-Венгрии образовалось Королевство сербов, хорватов и словенцев, Трушнович едва удержался от слез. Его родина освободилась. Однако он решил продолжать борьбу против большевиков за «великую Россию», в спасение которой верил²⁹. Генерал П.Н. Врангель в то время возглавил армию, а в Новороссийске к белогвардейцам присоединились и европейские союзники; первыми прибыли англичане³⁰.

В книге «Ценою подвига», написанной уже после Второй мировой войны, Александр Трушнович отметил, что Европа, за исключением Австро-Венгрии, в то время перестала помогать России³¹. Он полагал, что Первая мировая война может помочь России разрешить внутренние противоречия, возникшие под властью большевиков³². Напротив, по его мнению, вероятность того, что русский гражданин поднимется на национально-освободительную борьбу (станет «борцом за Родину») ³³, уменьшилась. Трушнович дал исторический очерк революционного движения в Европе, начиная с Великой французской революции — описав затем революцию 1831 г. в Лионе, общеевропейские революционные волнения 1848 г. во Франции, Германии, Австрии, Парижскую коммуну — и заканчивая восстанием декабристов и революцией 1905 г. в России³⁴. Он не забыл упомянуть о том, что демократические круги Америки и Англии во время революции 1848 г. в Австрии называли Россию, во главе с императором Николаем I помогавшую австрий-

²⁶ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 93, 96.

²⁷ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 16.

²⁸ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 96.

²⁹ Там же. С. 97.

³⁰ Там же. С. 97–98.

³¹ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 104.

³² Там же.

³³ Там же. С. 105.

³⁴ Там же. С. 89–99.

скому императору бороться с восстанием венгров, «жандармом Европы»³⁵. В заключение Трушнович высказал мысль, что Россия может избавиться от такой плохой репутации только путем свержения коммунистической системы, и произойти это должно революционным путем³⁶. Следует подчеркнуть, что в этой книге Трушнович определил основы своей концепции национально-освободительной революции, одним из важнейших принципов которой он считал способность к братанию³⁷.

Смысл славянства — революционность

Русские издавна испытывали чувство братской привязанности к Сербии, и критическое восприятие этой страны — с учетом позиций Чехии и Польши — стало свидетельством изменения взглядов Трушновича, что нашло отражение в политических трактатах или памфлетах, написанных после Второй мировой войны. В них он сделал лишь первые шаги к разработке идеи революционности, которая, возможно, могла бы показаться анахронизмом, однако, в привязке к ситуации в России, являлась тогда реально осуществимой. Последний трактат Александра Трушновича — «Техника сопротивления» (он следовал за трактатом, адресованным немцам) — был посвящен польскому народу. Восьмая глава «Принципы гражданского восстания» осталась неоконченной, работу над ней прервала насильственная смерть словенца в 1954 г. где-то за стенами Восточного Берлина.

Сохранились лишь фрагменты текста, само название которого недвусмысленно свидетельствует о коренном изменении мировоззрения автора, произошедшем после Первой мировой войны. Бывший корниловец теперь размышлял о пути к революции. В этих эпизодах А. Трушнович высказал убеждение в том, что «народная революция не должна повторить пути коммунистической анти-революции, которая была, прежде всего, разрушительной». Хотя то, что он акцентировал внимание на развитии светлых сторон русского человека, на первый взгляд,

³⁵ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 92.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 113.

казалось, не противоречило принципам большевизма, писатель, приводя лозунги революционных вождей, призывающие свергнуть власть, понимал, что связь народа и армии является ключевым моментом для проведения успешной революционной акции. Он считал, что стратегические методы вооруженного нападения и военная техника смогут предотвратить катастрофические последствия посредством двух простых указов, охраняющих то, что придает человеку силы: связь с армией основана на знании настроения солдат и уверенности в том, что армия не станет стрелять в своих матерей и отцов, братьев и сестер, она не должна направлять оружие против своего народа³⁸.

Очевидно, что в личном словаре А.Р. Трушновича, русского эмигранта словенского происхождения, в середине XX в. преобладали экзистенциальные ценности, и были они наследием его православного опыта. После Второй мировой войны философско-политическая концепция Трушновича открывала возможности для внутреннего освобождения личности. Ему показалось, что путь в будущее, который предлагала неосуществленная идея русской славянской миссии, является душевспасительным и освободительным. Таким образом, русский опыт православия, идейно-философская основа которого сформировалась в XIX и начале XX в., показал, что может предложить творческой личности выход, заключающийся во всеобщем освобождении. Поэтому неудивительно, что Трушнович был жестоко убит где-то за пределами Восточного Берлина³⁹. Что же являлось комплексной основой вышеупомянутого преображения мировоззренческих принципов?

Русский опыт славянской идеи

Отношение русских к полякам, на формирование которого повлияло, прежде всего, обретение самостоятельности униатским религиозным движением и католической церковью в Западной Украине и Польше во второй половине XVI в., имело сложнейшую историческую подоплеку. В начале XIX в., после

³⁸ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 126–127.

³⁹ См. подробнее о биографии Трушновича и об обстоятельствах его смерти: Zajc N. Aleksander Trušnovič // Med domom in svetom. Ljubljana, 2011. С. 263–279.

войн с Наполеоном, общение русских с соседним народом стало для России новым открытием пути в Европу, но отличалось оно противоречивостью. Уже позднеромантический поэт Ф.И. Тютчев в стихотворении «Современное», написанном в 1869 г.⁴⁰, ясно выразил свое представление о славянстве, которое вынуждено по-христиански и глубоко мучиться («//Только там, где тени бродят // там, в ночи, из свежих ран, // кровью медленно исходят // миллионы христиан»). В этом стихотворении Тютчев также представил свое видение мировых глубинных стремлений: «На Восток она явилась // всем на радость, не на зло // и пред нею все склонилось: // Солнце с Запада взошло!».

Таким образом, в политической поэзии Ф.И. Тютчева славянство являлось обобщающим понятием некоего универсального христианства. По прочтении поэтических произведений Тютчева ведущий русский религиозный философ XIX в. В.В. Соловьев⁴¹ пришел к важному выводу, объединяющему все вышеупомянутые парадоксы «русского не-славянства»: «Жизнь России еще не определилась окончательно, она еще двоится, увлекаемая в разные стороны противоборствующими силами [...] судьба России зависит не от Царь-града и чего-нибудь подобного, а от исхода внутренней нравственной борьбы светлого и темного начала в ней самой».

Однако, хотя такова была сущность так называемой славянской идеи в XIX в., русское православное сознание тогда еще не доросло до нее. Через полвека, в 1946 г., это отметил Н.А. Бердяев в книге «Судьба России», где он высказал свои взгляды на национализм и империализм и дал психологическую интерпретацию войны и национального вопроса. Он обратил внимание не только на особую двойственность или внутренние противоречия самой русской славянской идеи, которую должен принять прежде всего тот, кто поддерживает концепцию русского империализма, но и подчеркнул, что истинное понимание славянской идеи только постепенно начинает проникать в русскую душу. Бердяев при рассмотрении особых тем, касающихся положения России среди остальных

⁴⁰ Тютчев Ф.И. Сочинения. М., 1984. С. 377–378.

⁴¹ Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Вестник Европы. СПб, 1895. № 4.

великих европейских государств, акцентировал внимание именно на том историческом моменте, когда в XIX в. прежняя ориентация российской государственности на Римскую (идейный аспект) и Византийскую (религиозно-культурный аспект) империи могла прийти в равновесие со славянской идеей. Впрочем, славянской идее русских классических славянофилов во второй половине XIX в. не хватало понимания самой сущности славянства. Это заметил еще первый русский профессор славистики И.И. Срезневский, констатировавший, что так называемая славянская идея по мере приближения к Востоку все больше бледнеет⁴².

В книге «Судьба России» Н.А. Бердяев упомянул также о забытом и малоизвестном в России польском философе, математике и мистике периода Просвещения Йозефе Марии Хое-не-Вронском (24.08.1776 — 09.08.1853), который в трактате «*Prolégomènes de messianisme ou le destin de la France, de l'Allemagne et de la Russie*» («Судьба Франции, Германии и России как пролог европейского мессианства», 1843) определил Россию как страну-Богоносительницу, которой предопределено стать носителем и продолжателем Царства Божия⁴³. Такое мироощущение православные верующие в России сохранили до первых десятилетий XX в. Это отмечал Франц Терсеглав, описывая русскую религиозную жизнь, с которой познакомился во время пребывания в Екатеринбурге в 1917–1919 гг.: «У русских сохранился “хилиастический” настрой первых столетий христианства: ожидание Царства Божия на земле»⁴⁴.

Россия под предлогом коллегиального православного союза всегда стремилась достичь собственного автономного, прежде всего — господствующего — положения среди государств, исповедовавших православную веру. Православие в России одновременно и мистифицировало и раскрывало индивидуаль-

⁴² Путьевые письма И.И. Срезневского своей матери Е.И. Срезневской // Живая старина (Отделение этнографии). СПб., 1892. Вып. L. Год 2. С. 93; Ягич В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 466–467.

⁴³ Бердяев дословно упоминает следующее название: «*Le destin de la France, de l'Allemagne et de la Russie comme Prolégomènes du Messianisme*». См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2005. С. 201.

⁴⁴ *Terseglav F.* Op. cit. S. 53–54.

ность верующего, о чем свидетельствуют слова Ф. Терсеглава, описавшего русскую религиозную идею в 1917 г. как «богоискательство», в котором «Христос видится русскому в некоем мистическом сиянии», и «вся их литература, даже самая светская, наполнена этими представлениями»⁴⁵.

Заключение

Славянская идея во многом не была подчинена православному мировоззрению. В XIX в. она определялась как объединительная и европейская, и лишь в таковом качестве — как империалистическая. В то время самостоятельное развитие получила только идея, призывающая к творчеству, как одна из глубочайших христианских идей (как требование или тайное повеление Бога человеку, чтобы не падать духом и отдать все творческие силы выполнению долга). Она воплотилась в России в достижениях науки, философии и литературы XIX в., которые тогда стали восполнять недостаточность литературных форм, характерных для европейской мысли периода Классицизма и Просвещения (и связанных с политическим и философско-религиозным пониманием государственности)⁴⁶.

Н.А. Бердяев, как и А.Р. Трушнович, в философско-политическом очерке представил сугубо личную концепцию исторических основ европейского и национального империализма, на основе которой окончательно сформировалась его индивидуальная метафизика⁴⁷. Анализ идей, высказанных в одном из последних произведений Н.А. Бердяева, а также в «Воспоминаниях корниловца» и «Ценою подвига» А.Р. Трушновича, показывает, что оба автора давали иную трактовку религиозных основ русского народа: православное мировоззрение воспринималось ими как мощный идейно-духовный импульс, который будет способствовать интеллектуальному освобождению верую-

⁴⁵ *Terseglav F.* Op. cit. S. 53.

⁴⁶ Поэтому неудивительно, что важнейшие историко-политические идеи высказывались в дневниках или личных записках русских религиозных философов и писателей XIX в. (Герцена, Хомякова, Трубецкого, Соловьева, Федорова).

⁴⁷ *Зенковский В. В.* История русской философии. Париж, 1950. Т. 2. С. 362.

щих индивидуумов после Второй мировой войны. Кажется, что их взгляды имели историческое обоснование.

Но в концепции славянства, политически и теоретически оформившейся в России в XIX в., в XX в. еще оставалась лакуна — русская идентификация среди славянских стран, которая могла бы сформироваться в годы Первой мировой войны. Однако тогда на передний план вновь вышла особая русская идентичность, определявшаяся прежде всего православным вероисповеданием. Повторный отказ от обновленных призывов к христианскому экуменизму в 1917–1920 гг. подтвердил непризнание русскими Флорентийской унии (1439) и падения в 1453 г. Византийской империи, и оказал решающее воздействие на судьбу русских славян, разделенных с европейскими. Как в XV, так и в XX в. Россия формировала свое религиозное мировоззрение, исходя из противоречивого (амбивалентного) отношения к Европе.

Перевод со словенского Л.А. Кирилиной